

О.В. Рябов*

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ¹

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что ключевым элементом политики идентичности являются проведение, поддержание и корректировка символических границ между «своими» и «чужими». Автор анализирует соотношение понятий границы, социальной границы и символической границы; исследует роль символических границ в политической сфере и их место в символической политике; показывает, как символические границы используются в различных формах и направлениях политики идентичности.

Ключевые слова: символические границы; символические пограничники; политика идентичности; символическая политика.

O.V. Riabov

Symbolic boundaries and identity politics

Abstract. The paper deals with analysis of role of symbolic boundaries in identity politics. The author examines the concepts of boundaries, social boundaries, and symbolic boundaries; investigates role of boundaries in symbolic politics; and demonstrates how various forms and trends of symbolic policies employ symbolic boundaries. The author argues for considering the symbolic boundaries as a key element of politics of identity.

Keywords: symbolic boundaries; symbolic borderguards; identity politics; symbolic politics.

* **Рябов Олег Вячеславович**, доктор философских наук, профессор, консультант проректора по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: riabov1@inbox.ru

Riabov Oleg, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: riabov1@inbox.ru

¹Статья подготовлена в рамках научного проекта «Символ „Родины-матери” в символической политике современной России», поддержанного РГНФ-РФФИ (грант № № 15-03-00010).

В 1969 г., задолго до появления Шенгенской зоны, герой поэмы «Москва – Петушки» представил различия России и Европы следующим образом:

«Граница нужна для того, чтобы не перепутать нации. У нас, например, стоит пограничник и твердо знает, что граница эта – не фикция и не эмблема, потому что по одну сторону границы говорят на русском и больше пьют, а по другую – меньше пьют и говорят на нерусском...

А там? Какие там могут быть границы, если все одинаково пьют и говорят не по-русски!» [Ерофеев, 1990, с. 86].

Пожалуй, в этих словах Венечки выражена сущность социальной границы как таковой. Во-первых, она объединяет, противопоставляя одних другим; «другие» при этом гомогенизируются, превращаясь в унифицированных «чужих». Во-вторых, граница социальная поддерживается границей символической, которая создается при помощи «символических пограничников». В-третьих, выбор этих «пограничников» носит достаточно произвольный характер: в качестве таковых могут быть использованы и язык, и количество выпитого – хотя эта произвольность также имеет свои границы.

Символические границы пронизывают все сферы человеческой жизни. В данной статье речь идет о символических границах в политической сфере, проведение которых связано с политикой идентичности, представляющей собой деятельность политических акторов, направленную на достижение социальным сообществом чувства целостности и тождественности [Малинова, 2010].

В статье обосновывается положение о том, что ключевым элементом политики идентичности, рассматриваемой в качестве вида символической политики, является создание, поддержание и корректировка символических границ между «своими» и «чужими». Вначале речь пойдет о соотношении понятий границы, социальной границы и символической границы, а также об основных подходах к интерпретации природы символической границы. Далее, предметом анализа станет роль символических границ в политической сфере и их место в символической политике. Наконец, мы остановимся на вопросе о том, как символические границы используются в различных формах и направлениях политики идентичности.

Границы социальные и границы символические

Бытие дискретно, т.е. состоит из частей, качественно отграниченных друг от друга, – именно этим прежде всего определяется онтологический статус границы. В философской традиции понятие границы впервые можно встретить в учении Филолая, представителя пифагорейской школы, который среди начал всего сущего выделил предел и беспредельное [см.: Бахтызин, 2004, с. 14]. Начиная с Аристотеля, граница стала рассматриваться в качестве необходимого условия оформления материи и атрибута существования тела. Кроме того, философ отмечал, что граница связывает вещи и их части в целое [см.: Бахтызин, 2004, с. 26; об истории понятия границы см.: Рябов, Константинова, 2011].

Если границы как таковые являются атрибутом бытия, то социальные границы выступают атрибутом социальности. Социальное бытие невозможно без существования границ. Процесс установления и корректировки социального порядка – это и есть, собственно, процесс проведения границ: между дозволенным и недозволенным, между нормой и девиацией, между сакральным и профанным, между истинным и ложным, между «своими» и «чужими»¹.

Важность социальных границ определяется тем, что они связаны с сущностными характеристиками социальности: собственностью и неравенством. Во-первых, границы фиксируют право собственности, которое лежит в основе таких аспектов понимания человека, его прав и обязанностей, как автономия, свобода, право на частную жизнь. На уровне государства право собственности воплощается в принципе суверенитета, связанном с ценностями независимости и безопасности. Во-вторых, границы обозначают социальное неравенство; они фиксируют неравный доступ к ресурсам (материальным и нематериальным) и социальным возможностям, а также их неравное распределение [Lamont, Molnar, 2002, p. 168]. Причем, как заметил П. Бурдьё, устанавливающие иерархии социальные границы мешают не только «чужим» войти в более статусную социальную группу, но и «своим», тем, кто занима-

¹ Ю. Лотман, анализируя пространство семиосферы, отмечал, что всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»). «Свое» пространство определяется как «наше», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное». Ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [Лотман, 2000, с. 257].

ет доминирующее положение, выйти из нее, не нарушив соответствующие нормы [Бурдые, 1996]).

Столь высокая значимость социальной границы обуславливает важность ее пересечения и особое отношение к ее охране, с чем связана распространенная практика сакрализации государственной границы. Скажем, в СССР граница защищала «священные рубежи Родины» [Изотов, 2008, с. 55], а сами пограничники, соответственно, стали значимыми персонажами советского героического пантеона [Илюха, 2008, с. 206], отголоски чего можно наблюдать и сегодня. В качестве посягательства на личную неприкосновенность индивида истолковывается нарушение границ личного пространства. Легитимное пересечение границы сопровождается ритуалами [Патшайдер, 1999] (например, встреча гостей, пересекающих границу дома, или банкет по случаю защиты диссертации ученым, пересекающим границу между «остепененными» и «неостепененными»). Нелегитимное же пересечение социальной границы, связанное с нарушением прав собственности и социальной иерархии, представляет собой вызов, который ставит под сомнение ее легитимность, и потому требует реакции (хотя формы реакции могут быть различными). Неспособность наказать нарушителя ведет к делегитимации границы, а также тех, кто ее проводит и призван охранять.

Граница не только разделяет, но и связывает; она выступает, например, местом встречи двух культур [Wilson, Donnan, 2016, p. 9–10]; процессы гибридизации, происходящие особенно интенсивно в условиях глобализации, представляют собой отдельный предмет исследования, привлекающий внимание все большего числа ученых.

Необходимым условием конструирования социальных границ являются границы символические [Lamont, Molnar, 2002, p. 169]. Можно выделить две концепции соотношения символических и социальных границ. Согласно первой, символические границы представляют собой «объективированные формы социальных различий» [ibid.]. Второй подход заключается в том, что границы, отражая объективную дискретность социального бытия, в то же время выступают социальным конструктом: в процессе проведения границ объективные различия не только фиксируются, но также акцентируются или, напротив, сглаживаются. Понимание границ как социального конструкта не означает постулирования их иллюзорности или искусственности; конструктивистский подход ориентирует скорее на поиск факторов, которые способствуют тому, что границы начинают выглядеть как порождение естест-

венных или сверхъестественных сил, в то время как их социальная обусловленность преуменьшается или игнорируется.

Своим интересом к конструктивистскому подходу в интерпретации социальных границ академическое сообщество во многом обязано книге «Этнические группы и границы», вышедшей в 1969 г. под редакцией норвежского антрополога Ф. Барта [Barth, 1969]. Ее авторы показали, что содержательные компоненты этнической культуры в значительной степени определяются фактором границы между сообществами. Первична именно граница, а не удерживаемое ею культурное содержание. Границы создаются при помощи этнических маркеров, или диакритиков, – элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих [ibid., p. 14]¹. В книге Дж. Армстронга, который применил идеи Барта для анализа национальных сообществ, для обозначения этих маркеров был предложен термин «символические пограничники» [Armstrong, 1982, p. 6]. В частности, Армстронг проанализировал, как в роли подобных пограничников выступают слова [ibid., p. 8]; действительно, не только в этнических или национальных, но и в других сообществах язык объединяет со «своими» и отличает от «чужих», касается ли это уголовного, молодежного или академического жаргона. Очевидно, к символическим пограничникам можно отнести не только содержательные элементы культуры (такие как выделенные еще Бартом одежда, формы хозяйствования, язык, стиль жизни), но и любые семиотические средства, с помощью которых можно создавать, поддерживать и корректировать символическую границу, т.е. отличать одно от другого: названия и изображения на географических картах, награды и музыкальные вкусы, собственно символы и метафоры – например, «русский медведь» или «дядя Сэм».

Проблема границ вызывает большой интерес у представителей многих дисциплин (в связи с чем говорят о «boundary studies») как об отдельном научном направлении, о «boundary approach» как о методологическом принципе и даже об очередном повороте в социально-гуманитарном знании – «boundary turn»). Более 40 лет

¹ Представляет интерес определение этнической границы, предложенное Р. Дженкинсом на основе подхода Барта, – это «чувство (sense) сходства и различия, производимое и воспроизводимое в процессе интеракций, при которых по крайней мере одна сторона такого взаимодействия определяет себя как отличную в этническом аспекте от другой» [Jenkins, 2015, p. 18; *курсив мой. – О. Р.*].

функционирует Association for Borderlands Studies, издающая журнал, посвященный проблемам приграничных территорий¹. Такое внимание со стороны представителей самых разных наук ставит задачу создания общей теории границ [см. об этом: Paasi, 2011; Wilson, Donnan, 2016, p. 15–16]. Нас же будет интересовать, как подход, уделяющий особое внимание проведению символических границ, может быть использован исследователями политики.

Символические границы в политической сфере

Политическая деятельность связана с проблемой границ неразрывно; проведение границ, как отмечает один из ведущих исследователей границ А. Пааси, – это манифестация власти [Paasi, 2009]. Что касается границ политических, то само понимание государства как «контейнера власти» предполагает особое внимание к пределам власти, в том числе территориальным. Территориальность является необходимым признаком государства, пространством обеспечения его власти и суверенитета. Именно этим объясняется давний и устойчивый интерес к проблеме границ представителей такой отрасли знания, как политическая география.

Внимание к вопросу о символических границах, обозначившееся в последние несколько десятилетий, было обусловлено тем, что произошла своеобразная конвергенция двух научных направлений: исследований символических систем и изучения не прямых форм власти [Lamont, Molnar, 2002]. Действительно, создание символических границ является фактором, оказывающим влияние на отношения господства и подчинения, что и объясняет внимание к этой проблеме со стороны исследователей политики. Представляется эвристичным рассматривать проведение границ в политической сфере в качестве составляющей символической политики, которую О. Малинова определяет как деятельность политических акторов, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве [Малинова, 2012, с. 180].

Целью символической политики является символическая власть, представляющая собой способность создавать или изме-

¹ Обзор и типологию работ по символическим границам см.: [Newman, Paasi, 1998; Lamont, Molnar, 2002].

нять категории восприятия и оценки социального мира, которые, в свою очередь, могут оказывать непосредственное влияние на его организацию [Бурдые, 2007, с. 87–96]. Символическая политика, связанная с завоеванием, удержанием и оспариванием символической власти, приобретением символического капитала, применением символического насилия, как правило, включает в себя и (пере)определение символических границ.

Мы можем наблюдать это, рассматривая различные формы символической политики. Само формирование повестки публичных дискуссий, определение их тематики представляет собой проведение границы между тем, что должно иметь значение, и тем, что не должно. Еще одной формой символической политики выступает учреждение праздников; как правило, праздник связан с определением некоего канона, эталона, и, соответственно, степень приближения к такому эталону оказывает влияние на социальные границы и иерархии¹. Так, Восьмое марта, устанавливая канон женственности, проводит границу между теми, кто ему соответствует, и теми, кого маркируют в качестве примера отклонения от него. Важной формой символической политики является политика памяти, предполагающая целенаправленную работу над интерпретацией коллективного прошлого, когда многие исторические факты переосмысливаются, реинтерпретируются, выдумываются или забываются [Поцелуев, 2012, с. 48]; обратим внимание на то, что, например, сооружение памятников – это одновременно и установление того, где проходит граница между допустимыми взглядами на прошлое и недопустимыми (вспомним хотя бы недавние дискуссии о монументе князю Владимиру Святославовичу в Москве или памятной доске К. Маннергейму в Петербурге). Эффективной формой символической политики является такой способ проведения границ, как социальная категоризация – систематизация и упорядочивание социального окружения путем распределения социальных объектов по категориям [Jenkins, 2000]. Так, в работах, посвященных исследованию социальных наук периода холодной войны, показано, что сами категории, которые использовались для описания реальности, являются идеологически нагруженными, выступая способом выгодного одной стороне (и невыгодного другой) интерпретации происходящих событий, – и поэтому вне

¹ О роли праздников в символической политике см. подробнее: [Ефремова, 2014].

контекста противостояния двух сверхдержав они не могут быть поняты адекватно [напр.: Cold War, 2012]¹.

Таким образом, воздействие на символические границы выступает составляющей многих форм символической политики. Более того, можно предположить, что проведение границ следует рассматривать в качестве одного из главных элементов символической политики как таковой. Как показывает Бурдье, важнейший признак производства значений и смыслов – это различие, которое, очевидно, предполагает проведение границы между одним и другим; установить что-то, дать определение, институционализировать означает в то же время выявить различия, провести границу [см. подробнее: Newman, Paasi, 1998, p. 198]². Поэтому, на наш взгляд, исследование границ является весьма перспективным для изучения символической политики.

При этом следует принимать во внимание, что символическая политика предполагает конкуренцию различных способов интерпретации политическими акторами социальной реальности – по выражению Г. Тульчинского, «кто кого ‘переинтерпретирует’» [Тульчинский, 2015, с. 27]. Соответственно, проведение границ становится предметом острого соперничества, связанного с проблемой власти, на что обратил внимание еще Барт; борьба ведется за право их проведения, за выбор пограничников и за то, где, собственно, они проходят [Barth, 1969, p. 35]. Для того чтобы укрепить одни символические границы, требуется ослабить альтернативные.

Бурдье рассматривает проблему конкуренции границ в контексте вопроса о символической революции. Обращаясь к опыту майских событий 1968 г. во Франции, он показывает, что одной из стратегий делегитимации власти была демонстрация произвольности границ путем их нарушения (например, изменения речевых формул обращения студентов к профессорам). Однако, как подчеркивает автор, символическая революция может быть успешной

¹ Скажем, понятие «тоталитаризм», получившее в годы перестройки широкое распространение в отечественной науке, сглаживает одну границу между Добром и Злом и проводит другую: если оппозиция «капитализм – коммунизм», лежащая в основе дискурса советской историографии Второй мировой войны, помещала нацистскую Германию в ту же категорию, что и США, то оппозиция «тоталитаризм – демократия» представляет борьбу Запада против «Империи зла» в качестве продолжения борьбы с Гитлером.

² Приведем в связи с этим оценку М. Ламон и М. Фурнье: если для Бурдье и существует какой-то общий принцип организации всех форм социальной жизни, то это логика различия [Lamont, Fournier, 1992, p. 5].

лишь тогда, когда ей удастся установить и навязать другой принцип легитимного конструирования границ [Бурдые, 1996].

Демонстративное нарушение границы является распространенной формой протеста в акциях гражданского неповиновения. Она занимает заметное место и в арсенале «цветных революций»; к примеру, в книге Дж. Шарпа указаны такие способы оспаривания власти через оспаривание символических границ, как проникновение в запретную зону, символическая оккупация территорий и др., которые призваны продемонстрировать нелегитимность власти [Шарп, б. г.].

Отметим и такую форму делегитимации границ, как массовые изнасилования на войне, весьма распространенные в истории человечества. Следует вспомнить, что гендерный дискурс активно используется в проведении символических границ; образы мужчин и женщин служат эффективными символическими пограничниками, которые принимают участие в отделении «своих» от «чужих» и в оценивании первых выше, чем вторых [Yuval-Davis, 1997, p. 23]¹. В национальной мифологии женские тела обозначают символическую границу национального сообщества: только непорочные женщины могут воспроизводить чистую нацию [Mayer, 2000, p. 7–10]. Матери, жены и дочери обозначают пространство национального сообщества; как маркеры собственности нации, они требуют защиты и покровительства со стороны патриотических сынов [Iveković, Mostov, 2002, p. 10]. Это находит выражение в требованиях, касающихся сексуальных отношений с представителями других наций [Yuval-Davis, 2001, p. 45]; например, связь норвежской девушки и германского мужчины в Норвегии, оккупированной во время Второй мировой войны, осуждалась гораздо более жестко, чем связь норвежского мужчины и германской девушки [Eriksen, 2002, p. 52–65]. В таком контексте достаточно логичной для идеологии Евромайдаана выглядела акция украинских журналисток «Не дай русскому»; летом 2014 г. они предложили соотечественницам отказаться от интимных отношений с русскими мужчинами – акция, которая преследовала цель укрепить символическую границу между «своими» и «чужими» [Riabova, Riabov, 2015]. Соответственно, массовые изнасилования на войне представляют собой демонстративное на-

¹ В качестве примера можно упомянуть использование гендерного дискурса, подчеркивающего отличия российских мужественности и женственности от западных, в ремаскулинизации России – политике идентичности, проводимой в период президентства В. Путина [Riabov, Riabova, 2014].

рушение этой границы и служат прежде всего средством символической демаскулинизации врага, занимающей важное место в дискурсе войны [Goldstein, 2001, p. 359, 361]. Как подчеркивает С. Кин, «изнасилование представляет собой неотъемлемую часть ритуала военных действий. Случается это редко или часто, но на символическом уровне победа не одержана до тех пор, пока враг не подвергнут унижению через оскорбление его женщин. С психологической точки зрения сексуальная территория врага должна быть оккупирована» [Keen, 1986, p. 129]. Массовые изнасилования на войне преследуют цель перехода границы «другого» и уничтожения его мужества [Yuval-Davis, 2001, p. 129; Mostov, 2000, p. 96]; изнасилованная женщина свидетельствует о том, что мужчина оказался несостоятельным в роли защитника, занимающей столь важное место в каноне маскулинности [Goldstein, 2001, p. 362; подробнее см.: Riabova, Riabov, 2017].

Таким образом, создание символических границ включает в себя практики легитимации и делегитимации. Для обоснования правильности собственного варианта проведения границы нередко прибегают к использованию тех маркеров, которые ассоциируются с природными, натуральными характеристиками человека: такими как раса или этничность. Так, в исследовании К. Мэнцо показано, как многие разновидности национализма используют дискурс расизма для обоснования своей легитимности [Manzo, 1996, p. 19].

Кроме того, укрепление символических границ предполагает обращение к таким эссенциализирующим факторам, как постулирование природного (Бурдые называет это «натурализацией», напоминая об идее «естественных границ» [Бурдые, 2007, с. 50]) или божественного происхождения границы; в частности, этим объясняется роль образов рек как символических пограничников в политике идентичности сообществ [Riabov, 2016].

Таким образом, для создания конкурентоспособных границ символические пограничники должны, во-первых, быть узнаваемыми, способными однозначно определять границу; во-вторых, «охранять» ее, делать «непреодолимой», наделять ее свойствами законности, вечности, «естественности»; в-третьих, акцентировать различные черты двух сообществ и игнорировать сходные [Рябов, Константинова, 2011].

Символические границы в политике идентичности

Политика идентичности также может быть рассмотрена как форма символической политики; она представляет собой деятельность политических акторов по интерпретации социальной реальности, которая направлена на производство и продвижение образов «своих» и «чужих», а также символической границы между ними. При этом, по всей вероятности, объектом политики идентичности может выступать не только идентичность «своих». Очевидно, те политические акторы, у которых есть соответствующие ресурсы, осуществляют культурное доминирование, если пользоваться термином А. Грамши, гегемонию, навязывая другим сообществам и социальным группам определенное видение «своих» и «чужих». Они способны конструировать идентичность других классов (вспомним Марксову дихотомию «класс-в-себе» – «класс-для-себя»), социальных групп (концепт гегемонной маскулинности Р. Коннелла) или целых цивилизаций (ориентализм как способ навязывания Западом соответствующей идентичности Востоку).

Реляционная концепция идентичности исходит из того, что необходимым условием идентичности являются представления о «других» [Jenkins, 1996]. В последнее время предпринимаются попытки подвергнуть этот тезис проблематизации¹; на наш взгляд, без проведения границ с «чужими», с «другим» идентичность невозможна по определению; «идентифицировать» означает установить количественную и качественную характеристики вещи, ее специфику, т.е. то, чем она отличается от всех прочих вещей, тем самым выявив ее пределы, границы². По оценке Д. Кэмпбелла, подобно тому как идентичность конституируется по отношению к различию между «я» и «другим», так и различия конституируются по отношению к идентичности [Campbell, 1992, p. 8–9]. «Идентичность и границы – это две стороны одной медали» [Newman, Paasi, 1998, p. 198].

Однако вполне закономерно выглядит постановка вопроса о том, кто является «другим» и неизбежно ли негативное отношение к нему. Так, в работе О. Вевера (1996) утверждается, что специфика идентичности Европейского союза состоит в том, что для ее создания не нужен внешний негативный Другой; Другим со-

¹ Анализ дискуссий о роли Другого в идентичности см.: [Малинова, 2015].

² Собственно, само понятийное мышление связано с постоянным проведением границ; «Определить – значит положить предел, границу» [Лосев, 1994, с. 346].

временной Европы, выступающим антиобразцом, от которого она отталкивается, является ее собственное прошлое, полное кровавых конфликтов. Иными словами, Другой имеет не пространственное, а временное измерение [см.: Rumelili, 2004, p. 29–30; Малинова, 2015, с. 157–158]. Однако, как справедливо отмечает Б. Румелили, темпоральная характеристика инаковости получила широкое распространение и в эпоху Модерности, при этом дополняя инаковизацию территориальную: «свои» маркируются в качестве прогрессивных, «чужие» – отсталых, принадлежащих уходящей эпохе (что показано, скажем, на примере анализа ориенталистских практик [Said, 1978; Hall, 1992])¹.

Вместе с тем следует принимать во внимание, что в различных типах идентичности существуют различные типы инаковости и, следовательно, различные типы границ. Анализируя случаи таких «других» современной Европы, как Марокко, Турция, страны Центральной и Восточной Европы, Румелили показывает, что эти «другие» получают в европейской идентичности различную маркировку: их могут представлять и в качестве «антиевропейских других», и в качестве «менее европейских». Последние отличаются лишь в количественном отношении и могут в перспективе соответствовать критериям европейскости, первые же обречены отличаться от Европы благодаря таким факторам, как географическое положение или культурные традиции. Соответственно, необходимо, по мнению исследователя, различать «включающие» и «исключающие» идентичности [Rumelili, 2004].

Помимо этого, запреты, продуцируемые границами, также могут разделяться по степени обязательности; в связи с этим Р. Алба делит границы на «яркие» и «расплывчатые» [Alba, 2005].

Кроме того, различные типы сообществ относятся по-разному к проблеме нерушимости границ с «чужими». Граница идентифицирует не только «мое», но и «не-мое», выступая пределом свободы субъекта, его особых прав на что-то². Национализм исходит из того, что одной из фундаментальных характеристик нации является ее

¹ Нельзя не обратить внимание на то, что концепция Вевера представляет собой элемент не только академического, но и геополитического дискурса. Она устанавливает символические границы и иерархии, маркируя «свое» в качестве нового и передового, а «чужое» – в качестве отсталого.

² Поэтому вызывают улыбку рассуждения гоголевского персонажа, захотевшего показать Чичикову границу, где оканчивается его земля: «Вот граница! – сказал Ноздрев. – Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и все, что за лесом, все мое».

конечность, ограниченность [Anderson, 1983, p. 19]; поэтому граница, отделяющая «своих» от «чужих», – это ключевой и достаточно незыблемый элемент данного сообщества. Однако подобная незыблемость, окончательность границ не предполагается в идеологии империи, которая не исключает их расширения. Скажем, идеология Советского Союза допускала вхождение в «дружную многонациональную семью советских народов» новых республик – что и произошло, например, в результате событий 1939–1940 гг.¹

Различение империи и нации позволяет выявить еще один аспект исследования границ – проблему их иерархии. В социуме одновременно функционируют сообщества различного типа, и границы между ними – национальные и расовые, этнические и территориальные, политические и конфессиональные – совпадают далеко не всегда. В этих условиях символическая борьба ведется за то, какой именно дифференцирующий признак считать основным, а какие – второстепенными. Так, расизм утверждает приоритетность деления человечества на расы, марксизм – на классы, а феминизм – на мужчин и женщин. Национализм же призывает рассматривать в качестве основного деление человечества на нации; К. Вердери охарактеризовала его как классифицирующий дискурс, в котором нация понимается в качестве базового оператора всеохватывающей системы социальной классификации [Вердери, 2002, с. 297].

За проведение и корректировку границ и установление их иерархии идет борьба, в ходе которой акторы политики идентичности используют различные технологии (обычно обозначаемые в англоязычной литературе как «boundary work», «работа по изменению границ»). Так, одной из них является «нейминг», введение определенных названий для обозначения территорий или социальных групп [Paasi, 2001, p. 17]. Например, появление концепта «Центральной Европы», который выступил в роли символического пограничника, меняя конфигурацию символических границ в Европе, было с воодушевлением воспринято на Западе в 1980-е годы, в период холодной войны. В результате единый «Восток», противостоящий «Западу», разделяется: республики СССР остаются в Восточной Европе, а «братские социалистические страны» становятся частью Европы «Центральной». Таким образом, дискурсивная граница между Европой и Восточной Европой сдвигалась на

¹ В связи с этим имеет смысл напомнить популярную шутку соответствующего времени: «С кем граничит Советский Союз? – С кем хочет, с тем и граничит».

восток; тем самым российский Другой начинал выглядеть еще более «чужим» [Kuus, 2004, p. 480]. После окончания холодной войны концепт «Центральная Европа» стал частью дискурса, оправдывающего расширение ЕС и НАТО [ibid., p. 479]. Для того чтобы войти в «Европу», элитам восточноевропейских стран необходимо было акцентировать не-европейскость России. Иными словами, вне контекста русофобии данный концепт не имеет смысла, и, таким образом, Россия – это не угроза «Центральной Европе», а условие ее существования или, по крайней мере, фактор ее легитимации [ibid., p. 481; см. также: Миллер, 1996]. Очевидно, у этой истории есть продолжение: риторика Евромайдана отказывала России в праве быть частью даже Европы Восточной. Однако европеизация ли Украины выступила причиной ориентализации России; или же необходимость дальнейшего «сдерживания русского медведя» легитимировала лозунг «Украина – это Европа», – ответ на этот вопрос далеко не очевиден. «Восток» – это не место на географической карте, а характеристика, используемая в инструментальных целях [Kuus, 2004, p. 480]. Ее применение в отношении Другого в современной Европе используется для доказательства собственной принадлежности к европейской цивилизации, что видно на примере ориентализации Сербии интеллектуалами Хорватии и Словении, России – в эстонском и латышском национализме [ibid., p. 479], равно как и русскоязычного Востока Украины – в украинском этническом национализме¹.

Интересные наблюдения относительно способов изменения символических границ можно обнаружить в работе Э. Черри, посвященной анализу политики идентичности, осуществляемой защитниками животных. Цель активистов состоит в уничтожении или ослаблении границ между человеком и животными, а также между домашними питомцами и домашним скотом. Исследовательница выделяет две стратегии: «размывание границ» и «пересечение границ». Первая включает в себя такие технологии, как фокусирование (защитники животных помогают осознать символические границы, сделать невидимое видимым) и универсализация (активисты пользуются примерами, которые объединяют людей и животных, проводят параллели между страданиями людей и мучениями убиваемых жи-

¹ О похожих процессах, связанных с появлением и легитимацией концептов «Русский мир» и «Новороссия», см.: Ачкасов, 2016; Еремина, Середенко, 2016. Об ориентализации оппонентов в символической политике современной России см., напр.: [Рябов, 2013].

вотных или же показывают, что борьба против дискриминации расовых меньшинств и движение в защиту животных в равной степени необходимы и благородны). В рамках второй стратегии активисты играют роли животных или показывают, что было бы, если бы к домашним питомцам относились столь же безжалостно и утилитарно, как, например, к коровам [Cherry, 2010].

Наконец, остановимся на вопросе о направлениях политики идентичности. Среди них выделяются, во-первых, создание позитивной идентичности, т.е. производство образов «своих» и формирование чувства принадлежности к сообществу; во-вторых, обеспечение внутреннего единства при помощи ослабления внутренних символических границ; в-третьих, укрепление внешних символических границ и создание негативной идентичности за счет конструирования образов «чужих» [см. подробнее: Рябов, 2016].

Так, в дискурсе о российской гражданской идентичности особую роль играет символ «Родины-матери»: создается привлекательный образ России, ее культуры, истории, природы, формируется чувство принадлежности к ней. Символ Родины-матери используется для подчеркивания того, что связь гражданина России и его страны носит естественный, легитимный и неразрывный характер.

Второе направление связано с *ослаблением внутренних символических границ*. Дискурс российскости вступает в конкуренцию прежде всего с дискурсом этнических национализмов, особенно с дискурсом русскости. Русскость и российскость можно определять и как объективные характеристики культурной гомогенности, и как дискурсы, которые – подобно всякому дискурсу – предлагают особые способы проведения символических границ между «своими» и «чужими». Если дискурс русскости в качестве приоритетных рассматривает границы этнические, то концепция российскости исходит из того, что деление на россиян и не-россиян является приоритетным перед всеми другими делениями: социальными, этническими, конфессиональными, региональными. Здесь символ Родины также выступает в виде семиотического средства для легитимации государственного устройства – Россия для всех является матерью, вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности, все «дети» перед ней равны.

Третье направление – *укрепление внешних символических границ и создание образов «чужих»*. В случае России одним из наиболее значимых «других» выступают США. Примечательно, что в конструировании образа США как «чужого» значительную роль играет апелляция к мифологии родства, отраженной в мате-

ринском символе: отличия американцев от «нас» связываются с тем, что, будучи нацией эмигрантов, они не могут относиться к Америке как к матери, а потому не способны понять важнейшую характеристику граждан России, фундаментальную черту российской цивилизации [Рябова, Романова, 2015].

Заключение

Возможен ли мир без границ? Те, кто отвечают утвердительно на этот вопрос, апеллируют к таким последствиям глобализации, как становление постнационального мира, детерриториализация государств и утрата ими значительной части своего суверенитета. Проблема имеет и этическую составляющую: границы нередко воспринимаются в качестве источника разъединения людей, враждебности и войн, препятствия для свободы, равенства и братства. Однако в действительности, несмотря на глобализацию, современная ситуация не подтверждает прогнозы теоретиков постмодернизма – границ в мире не становится меньше [Newman, Paasi, 1998, p. 198]. Границы выступают атрибутом социальности – и необходимым условием свободы, равенства и братства в тех формах, в которых они возможны. Как пишет индийский социолог Т. Ооммен, сама история человеческой цивилизации может быть представлена как сооружение и уничтожение границ различного типа: биологических, психологических, географических, культурных, социальных, политических, экономических. При этом, разрушая одни границы, мы всегда тем самым создаем другие, наделяя их статусом сакрального [Oommen, 1995, p. 251]. Примером может служить символическая политика недавней президентской кампании в США, когда один из кандидатов был представлен в качестве приверженца идеи укрепления границ и возведения стен, за что подвергся резкой критике со стороны представителей противоположного лагеря. Показательно, что в рамках этой критики противники границ и стен сокрушали весьма «яркие» символические границы, подвергая остракизму Д. Трампа и его сторонников при помощи таких символических пограничников, как маркеры «фашизма», «расизма», «сексизма»... Досталось и России – маркировка Трампа как «сибирского кандидата» и «марионетки Путина», опирающаяся на пропагандистский багаж маккартизма (что несколько неожиданно в Америке XXI в.), выступала в качестве еще одного приема, укрепляющего символическую границу между Западом и «империей Зла». Таким

образом, перефразируя недавнюю шутку президента России, можно заключить, что границы человеческого общества не заканчиваются нигде и никогда, а их проведение – создание, поддержание, корректировка (в том числе уничтожение) – представляет собой важнейший элемент политики идентичности.

Литература

- Ачкасов В.А. «Новая Новороссия» и проблемы с российской идентичностью // Консервативные традиции и либеральные ценности в постсоциалистической России: Сб. науч. ст. – Саратов: Поволжский ин-т управления им. П.А. Столыпина, 2016. – С. 16–19.
- Бахтызин А.М. Граница: бытие, сущность, рефлексия: Дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2004. – 177 с.
- Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. – СПб.: Алетей; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2007. – С. 87–96.
- Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Бурдые П. Социология социального пространства. – СПб.: Алетей; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2007. – С. 49–63.
- Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96: Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. – М.: Socio-Logos, 1996. – № 3–4. – С. 8–31. – Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/study/su/burddoxa.htm> (Дата посещения: 20.01.2017.)
- Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм / Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. (ред). – М.: Праксис, 2002. – С. 297–307.
- Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2014. – 205 с.
- Еремина Н.В., Середенко С. Интеграл Русского мира: подходы и предложения // Социодинамика. – М., 2016. – № 11. – С. 94–114.
- Ерофеев В.В. Москва – Петушки // Ерофеев В.В. Оставьте мою душу в покое: Почти все. – М.: Х.Г.С., 1995. – С. 35–136.
- Изотов А.Б. Повседневная жизнь пограничного города: послевоенная Сортавала // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования / Илюха О.П. (ред.). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – Вып. 1. – С. 53–64.
- Илюха О.П. Советские границы в учебно-воспитательных текстах сталинского времени // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования / Илюха О.П. (ред.). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – Вып. 1. – С. 205–214.
- Лосев А.Ф. Самое само // Лосев А.Ф. Миф, число, сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 300–526.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.

- Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // ПОЛИТЭКС. – СПб., 2012. – Т. 8, № 4. – С. 179–204.
- Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // ПОЛИТЭКС. – СПб., 2010. – № 1. – С. 5–29.
- Малинова О.Ю. Концепт «другого» в исследованиях идентичности: Анализ современных дискуссий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 4. – С. 154–169.
- Миллер А.И. Центральная Европа: История концепта // Полис. Политические исследования. – М., 1996. – № 4. – С. 119–124.
- Патшайдер Х. Ритуалы и символы, создающие повседневные границы (на примерах клуба «Мотоциклетные ведьмы» и переселенцев в Трансильвании) // Труды ЦНСИ. – СПб., 1999. – Вып. 7: Кочующие границы: Материалы международного семинара (на русском и английском языках) / Под ред. Бредниковой О., Воронкова В. – Режим доступа: http://www.indepsocres.spb.ru/patsch_r.htm (Дата посещения: 20.04.2011.)
- Попелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. – М., 1999. – № 5. – С. 62–75.
- Рябов О.В. «Света из Иваново» как зеркало Болотной революции // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2013. – № 5. – С. 125–147.
- Рябов О.В., Константинова М.А. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. – Петрозаводск, 2011. – № 6. – С. 114–123.
- Рябов Д.О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС: Дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2016. – 173 с.
- Рябова Т.Б., Романова А.А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного антиамериканизма // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2015. – № 4. – С. 136–149.
- Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. – М., 2015. – № 5. – С. 24–33.
- Шарп Дж. 198 методов ненасильственных действий. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/198_Met.php (Дата посещения 10.01.2017.)
- Alba R. Bright vs. blurred boundaries: Second-generation assimilation and exclusion in France, Germany, and the United States // Ethnic and racial studies. – L., 2005. – Vol. 28, N 1. – P. 20–49.
- Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. – L.: Verso, 1983. – 160 p.
- Armstrong J. Nations before nationalism. – Chapel Hill: The univ. of North Carolina press, 1982. – 411 p.
- Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference / F. Barth (ed.). – Boston: Little, brown and company. – P. 9–38.
- Campbell D. Writing security: United States foreign policy and the politics of identity. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1992. – 269 p.
- Cherry E. Shifting symbolic boundaries: Cultural strategies of the animal rights movement // Sociological forum. – Lexington, Mass., 2010. – Vol. 25, N 3. – P. 450–475.

- Cold War social science: Knowledge production, liberal democracy, and human nature / Ed. by M. Solovey, H. Cravens (eds.). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – 288 p.
- Eriksen T.H. The sexual life of nations: Notes on gender and nationhood // *Kvinner, køn og forskning.* – Syddansk, 2002. – N 2. – P. 52–65. – Mode of access: <http://folk.uio.no/geirthe/SexualLife.html> (Accessed: 15.10.2016.)
- Goldstein J.S. War and gender: How gender shapes the war system and vice versa. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2001. – 523 p.
- Hall S. The west and the rest: Discourse and power // *Formations of modernity / Hall S., Gieben B. (eds.).* – Cambridge, UK: Open univ.: Polity Press, 1992. – P. 275–281.
- Iveković R., Mostov J. Introduction // *From gender to nation / Iveković R., Mostov J. (eds.).* – Ravenna: A Longo Editore, 2002. – P. 9–25.
- Jenkins R. Boundaries and borders // *Nationalism, ethnicity and boundaries: Conceptualising and understanding identity through boundary approaches (Routledge studies in nationalism and ethnicity) / Jackson J., Molokotos-Liederman L. (eds.).* – L.: Routledge, 2015. – P. 11–27.
- Jenkins R. Categorization: Identity, social process and epistemology // *Current sociology.* – Thousand Oaks, 2000. – Vol. 48, N 3. – P. 7–25
- Jenkins R. Social identity. – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – 206 p.
- Keen S. Faces of the enemy: Reflections of the hostile imagination. – San Francisco: Harper & Row, 1986. – 199 p.
- Kuus M. Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // *Progress in human geography.* – Washington, 2004. – Vol. 28, N 4. – P. 472–489.
- Lamont M., Fournier M. Introduction // *Cultivating differences: Symbolic boundaries and the making of inequality / Lamont M., Fournier M. (Eds.).* – Chicago; L.: Univ. of Chicago press, 1992. – P. 1–20.
- Lamont M., Molnar V. The study of boundaries in the social sciences // *Annual review of sociology.* – Palo Alto, CA, 2002. – Vol. 28. – P. 167–195.
- Manzo K.A. Creating boundaries: The politics of race and nation. – Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 1996. – 253 p.
- Mayer T. Gender ironies of nationalism: Setting the stage // *Gender ironies of nationalism: Sexing the nation / Mayer T. (ed.).* – L.: Routledge, 2000. – P. 1–22.
- Mostov J. Sexing the nation / desexing the body: Politics of national identity in the former Yugoslavia // *Gender ironies of nationalism: Sexing the nation / Mayer T. (ed.).* – L.: Routledge, 2000. – P. 89–110.
- Newman D., Paasi A. Fences and neighbours in the postmodern world: Boundary narratives in political geography // *Progress in human geography.* – Washington, 1998. – Vol. 22, N 2. – P. 186–207.
- Oommen T.K. Contested boundaries and emerging pluralism // *International sociology.* – Thousand Oaks, Calif., 1995. – Vol. 10, N 3. – P. 251–268.
- Paasi A. A border theory: an unattainable dream or a realistic aim for border scholars? // *The Ashgate research companion to border studies / Wastl-Walter D. (ed.).* – Burlington, VT: Ashgate, 2011. – P. 11–31.
- Paasi A. Europe as a social process and discourse considerations of place, boundaries and identity // *European urban and regional studies.* – L., 2001. – Vol. 8, N 1. – P. 7–28.

- Paasi A. Political boundaries // International encyclopaedia of human geography / Kitchin R., Thrift N. (eds.). – Oxford: Elsevier, 2009. – Vol. 8. – P. 217–227.
- Riabov O. «Mother Volga» and «Mother Russia»: On the role of the river in gendering Russianness // Meanings and values of water in Russian culture / Costlow J., Rosenholm A. (eds.). – L.: Routledge, 2016. – P. 81–97.
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism, and the legitimation of power under Vladimir Putin // Problems of post-Communism. – Cambridge, Mass., 2014. – Vol. 61, N 2. – P. 23–35.
- Riabova T., Riabov O. «Gayromaidan»: Gendered aspects of the hegemonic Russian media discourse on the Ukrainian crisis // Journal of Soviet and post-Soviet politics and society. – Stuttgart, 2015. – N 1: Inaugural special issue on Russia media & the war in Ukraine. – P. 83–108.
- Riabova T., Riabov O. The «Rape of Europe»: The geopolitical positioning of Russia and New Year's eve sexual assaults in Cologne in Russian media // East European politics and societies. – Thousand Oaks, CA, 2017. – (Submitted).
- Rumelili B. Constructing identity and relating to difference: Understanding the EU's mode of differentiation // Review of international studies. – Cambridge, 2004. – Vol. 30, N 1. – P. 27–47.
- Said E. Orientalism. – N.Y.: Pantheon Books, 1978. – 368 p.
- Wilson T.M., Donnan H. Borders and border studies // A companion to border studies / Wilson T.M., Donnan H. (eds.). – Oxford: Wiley-Blackwell, 2016. – P. 1–25.
- Yuval-Davis N. Gender and nation. – L.: SAGE, 1997. – 157 p.
- Yuval-Davis N. Nationalism, feminism, and gender relations // Understanding nationalism / Guibernau M., Hutchinson J. (eds.). – Cambridge: Polity, 2001. – P. 120–141.